

речь шла о расправе с первым самозванцем и о благочестии нового царя Василия Шуйского. Иначе говоря, автор привлек ту часть документа, которая по своей стержневой идее была общей для всех правительственных грамот.

С той же официальной, правительственной точки зрения автор подходит к оценке событий в стране в начальной части «Писания», которое, как уже выше говорилось, по своей антигодуновской концепции и восхвалению Василия Шуйского примыкает к произведениям начала XVII в.: «Сказанию и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о растриге о Гришке Отрепьеве и о похиждении его», «Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов».

Попутно скажем о датировке «Писания». Обе только что упомянутые повести, по заключению их исследователей С. Ф. Платонова⁴ и Е. Н. Кушевой,⁵ составлены в период после 17 мая 1606 г. и до 1 сентября, т. е. до начала восстания Болотникова. Напротив, «Писание», в котором используется грамота митрополита Филарета, полученная в Великом Устюге 17 декабря 1606 г., не могло быть составлено ранее этой даты. Вместе с тем было бы непонятным и неоправданным составление «Писания», оканчивающегося рассказом о Лжедмитрии I, позднее осени 1608 г., времени появления интервентов Лжедмитрия II в районе Ростова и ближайших к Великому Устюгу окрестностях. Пока военные действия развертывались под Москвой, в отдалении от Великого Устюга (где автор «Писания» должен был находиться, чтобы воспользоваться грамотой), и население знало о них по слухам и грамотам, история о Лжедмитрии I была весьма поучительным рассказом независимо от того, с какой целью она составлялась — как литературное упражнение автора или как публицистическое произведение актуального значения. Так или иначе, при скудости данных, связанных с появлением «Писания», ответить на вопрос о цели составления его автором невозможно. Сопоставление «Писания» с другими произведениями этого времени свидетельствует, что по форме изложения, ограниченности фактов, простоте слога оно отличается от других опубликованных повестей этого времени. Тем не менее наличие небольших заимствований в виде отдельных выражений и терминов позволяет предполагать знакомство автора «Писания» с некоторыми из них и конкретно со «Сказанием о Гришке Отрепьеве».

«Сказание о Гришке Отрепьеве»

«Писание»

И при державе государя царя и великого князя Федора Ивановича был в Московском государстве властелин царев шурин Борис Годунов ... подыскивая ... как бы Российского государства царский род извести и великих бояр, а самому бы в Российском государстве воцариться и царствовать.⁶

При державе благочестиваго государя, царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Русии самодержца, бысть некий вельможа ... именем Борис Годунов ... враг, дьявол, вложи в сердце тому вельможе царское семя извести, да сам он на царстве на Московском государстве сядет (л. 268—268 об.).

Эти единичные весьма трафаретные заимствования подтверждают оригинальность автора в литературном оформлении и источниковедческом подходе к историческому материалу. «Писание» — памятник местный и в отличие от «Сказания о Гришке Отрепьеве» и «Повести 1606 г.», созданных в Москве или под Москвой по горячим следам событий, оно составлялось в известной отдаленности от главных действующих лиц и места действия.

⁴ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. ..., стр. 5.

⁵ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. Саратов, 1926, стр. 95.

⁶ РИБ, т. 13, стлб. 714—715.